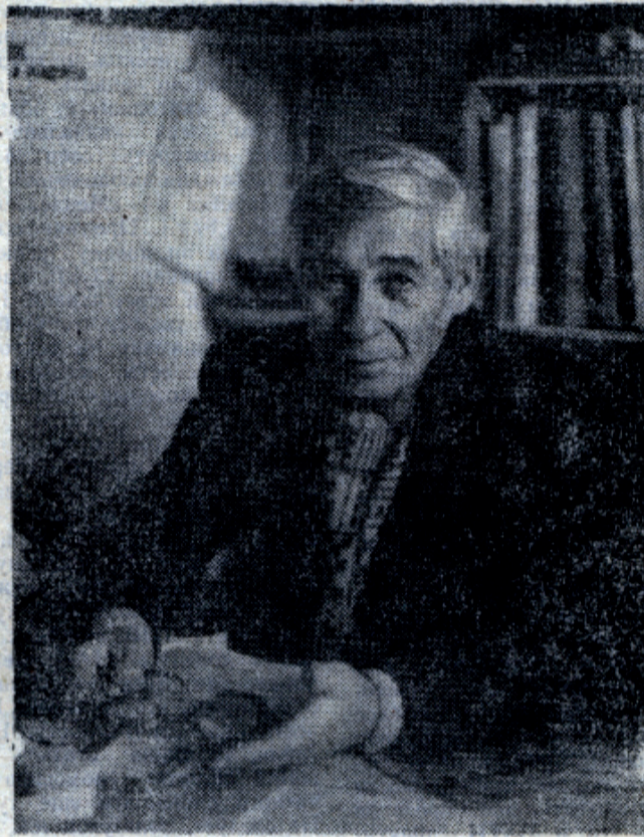

ПАМЯТИ ЖЕРТВ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

„КАНИКУЛЫ“ ДЛИНОЙ В 18 ЛЕТ

Наверное, многие в МХТИ знают Николая Николаевича ДЕМЧЕНКО, заведующего кафедрой инженерной графики, но, вероятно, не всем известны подробности его судьбы. Семнадцать лет своей жизни Николай Николаевич провел в тюрьмах, лагерях и ссылках.

Предлагаем читателям «Менделеевца» его рассказ.

«...я — не я, и моя... судьба — не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошестал, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих поздних лагерных открытий».

Мать с отцом были в разводе и жили в разных городах. А я жил то у отца, то у матери. И как-то у нас в семье не было принято переписываться, я мог приехать без звонка, без письма и так же уехать. В то лето 37 года мне только исполнилось 18 лет, я как раз окончил 1 курс МАИ и собирался на каникулы к маме. И вдруг я обнаружил на столе записку отца: «Коля, без меня не уезжай, я поеду тебя провожать». Я очень удивился, никогда он не провожал меня, и действительно — разговор у нас был странный. Отец говорил мне о том, что бывают в жизни ситуации, когда от человека вдруг отворачиваются все друзья, не здороваются на улице. Но не всегда это означает его вину...

Уже приехав к маме в Одессу, я узнал, что 23 июля отец был арестован. Мой отец Демченко Николай Нестерович был крупным партийным работником на Украине: член Политбюро ЦК КПУ, первый секретарь Киевского и Харьковского обкомов, кандидат в члены ЦК нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР. Моя мать (с 1915 года в партии) тоже была партийным работником. И из-за того, что я вырос в такой семье, я, в общем-то, рано стал политически зрелым. Уже тогда я не мог относиться к Сталину с благоговением. Я был твердо убежден: не может он не знать того, что происходит! Ведь к тому времени чуть ли не более половины членов и кандидатов в члены ЦК были арестованы. Почти всех он знал лично (отец, кстати, один из них), со многими был даже дружен... И не знал!

Мама дружила с женой Куйбышева — Розой Соломоновной Коган. В это лето от ее сестры, Сары Соломоновны, пришло взволнованное письмо: «Анечка, сделай все возможное, чтобы Коля не возвращался в Москву».

Но все-таки я поехал. Квартира оказалась опечатана. И я поселился у ребят в общежитии. 2 сентября, когда я пришел на занятия, я узнал, что меня исключили из института как сына врага народа, якобы за то, что я слишком поздно сообщил об аресте отца. А 20 сентября состоялось комсомольское собрание, которое длилось 6 часов — с 5 до 11 вечера. Выступила моя однокурсница Стася Рыбкина. Она заявила, что 1 Мая я рассказывал злой антипатриотический анекдот. Я возразил: да, наоборот, по моему, анекдот очень патриотический. И тогда комсомольцы потребовали, чтобы я повторил этот анекдот. Я повторил: «Война в Испании. Над Мадридом несет патрульную службу испанский истребитель. Замечает Юнкерс в сопровождении двух вражеских истребителей — Хейншеля и Капрони. Сообщает на аэродром, что вступает в бой с Юнкерсом, сбив его, сбивает Капрони. Падающая итальянская летчик кричит: «О, Санта Марья!» Подбит и немец, и по радио слышен его крик: «О, доинер-веттер!» Тогда республиканец отбрасывает козырек и говорит: «Я тебе... еще не такой ветер покажу!» И все же президиумом собрания анекдот был признан антисоветским, так как наше правительство не признавало, что мы воюем в Испании. Но рядовые комсомольцы запротестовали и в результате голосования мне было просто «поставлено на вид». К сожалению, этим дело не кончилось, потом состоялось второе голосование — объявить выговор, потом третье — строгий выговор, и, наконец, после выступления секретаря райкома партии в результате четвертого голосования было решено исключить

меня из комсомола «за отсутствие классовой бдительности и за распространение антисоветских анекдотов». Трое ребят, которые заступались за меня, получили строгий выговор, и закончилось собрание выступлением партгора института Белой. Мне кажется, что я почти точно запомнил его: «Товарищи комсомольцы! Вы жалели этого студента за то, что он так еще молод, но вы только что сами были свидетелями того, как умеют защищаться, как ловки и изворотливы враги нашего общества, такие, как этот студент, от которого мы только что очистили наши ряды. Товарищи комсомольцы, даю вам совет, как бороться с подобными типами: если вы на улице, в транспорте от кого-то услышите слова, порочащие нашу страну и ее порядки, не задумываясь, не задерживаясь, бейте его по лицу кулаком, ладонью, чем угодно. А когда подойдет милиционер, говорите ему, что это враг народа!» И это говорила женщина.

Позднее я узнал, что Белая в 37 году тоже была арестована.

Вскоре осудили и мать по статье ЧСИР (член семьи изменника Родины) на пять лет. За два месяца до освобождения, в декабре 1942 года, она умерла в лагере. Потом я узнаю и об отце: он был убит на допросе через три месяца после ареста. Вообще из всей нашей семьи в 37—38 гг. было арестовано 7 человек: в 54—56 гг. все были реабилитированы, но пятеро уже посмертно.

Прошло пять дней после собрания. За это время я устроился грузчиком на завод № 3 имени Калинина. Возвращаясь после работы в общежитие, встречает меня мой приятель Витя Байков, как-то смущаясь, говорит мне: «Коль, ты знаешь, нас всей комнатой вызвали в партком и предложили тебя вышвырнуть». Я говорю: «Витя, вышвыривать меня не надо, я просто уйду».

Ночевать было негде. Одну ночь переночевал на Курском вокзале. Какое-то время побыл у знакомого Кольки Амосова, потом нашел комнатушку в Тайнинке. И вот, думаю, сейчас с жильем более или менее наладится, возьму к себе брата. Брат у меня был младше. Ему было 11 лет. Его приятель дядя. Я очень просил его: «Пусть пока немного у вас поживет, а как только у меня с жильем наладится, я Феликса у вас заберу». Прихожу как-то проведать его, а дядя мне дверь приоткрыл и через щель говорит: «Для того чтобы не иметь никакой связи с моей сестрой — женой врага народа, с твоим отцом — врагом народа, я Феликса сдал в детский дом». И вынес мне кожаную куртку отца — «Возьми свои вещи!»

В декабре мне дали комнату. Одним из соседей был Мулька Мороз, мой ровесник, и еще какая-то семья, не помню их фамилию.

Я пошел в НКВД за братом. Получаю достаточно, жить есть где, вполне сумеем прожить вдвоем. Но мне ответили: «Ну какой же вы устроенный? Двое мужчин, кто же за вами будет ухаживать? Семья у вас нет. Если бы была семья, тогда другое дело!»

У меня была девушка Таня, за которой я ухаживал, и мы решили с ней пожениться. Поженились, пошли уже вдвоем, посмеялись над нами и, конечно, брата не отдали.

А примерно через неделю пришел я после смены домой, сидел на кухне и читал, как сейчас помню, «Наполеона» Тарле. Звонко. Соседи открыли. Такой-то есть? Боец-красноармеец и молоденький командир. Командир вошел и крикнул: «Оружие!» «Да ка-

кое оружие?» А самому как-то не по себе сделалось. Вошли в комнату, он сразу открыл ящик. А там у меня была зажигалка в виде браунинга в картонной коробке. Он как увидел: «Нет, говорил, оружия, а это что?» А красноармеец, добродушный такой, улыбается: «Товарищ командир, да то ж зажигалка!» Из «криминала» у меня обнаружили (Мулькину) красновскую книгу «Ненависть», она до 26 года у нас свободно издавалась. Вот, ее изъяди. Пожалуй, и все. Таня, конечно, была, как невменяемая, собирала вещи...

Повезли меня на эмке. Я не помню, мимо какого ресторана мы проезжали, и я говорю командиру: «Вы бы хоть наполнили мне папирос купили». Дал ему деньги. Было полдвенадцатого ночи, снежок такой мягкий шел. Он вдруг приказал остановить машину, сбегал и принес мне две пачки папирос «Беломор».

Меня привезли на Лубянку. В камере было три кровати. Две были заняты. И я вещишки сложил на третью. Тут мне говорят: «Товарищ, как нам передали предыдущие товарищи, хозяин кровати восьмые сутки на допросе». Расстелил я шинель на полу и улегся спать. Устал здорово.

Приблизительно часа в два ночи надзиратели открыли камеру, и двое привели мужчину. Маленького, хрупкого, седого. Посадили его, прислонив к стене. Мы сразу поднялись — чем помочь? Он говорит: «Ногги...» Я приподнял ему штанину и оказалось, что кожа у него обвисла из ботинок до шиколоток. Восемь суток человек стоял на допросе. Я бросился расшнуровывать ботинок, он застонал. Тогда я перевернул спичками шкурку, кое-как стащил ботинок. Это был первый заместитель наркома земледелия — Паскудский. «Час тому назад, — рассказывал он, — в кабинете у следователя вдруг открывается дверь и входит Ежов. Я спрашиваю его: «Николай, что все это значит?» Он повернулся: «Продолжайте», — и вышел. Да... А ведь нас на одном собрании в партком принимали. Вот такое у меня было первое крещение.

Уже потом, когда меня реабилитировали, я узнал телефон его сына и позвонил: «Если вы хотите узнать о своем отце, то я могу рассказать. Я одну ночь провел с ним в камере...» Он ответил холодно: «Меня это не интересует», — и повесил трубку.

Только мы все заснули, как вдруг чувствую — кто-то меня трясет: «Колька, хохол ты несчастный, как же ты можешь спать!» Смотрю — да это Мулька, сосед мой. Меня привезли и за ним поехали. А утром, когда я проснулся, в камере было уже человек 18. Есть совсем не хотелось, вообще новоарестованные едят мало, и мы из черного хлеба слепили шахматы, в одну половину добавили порошка зубного и стали играть. Через полчаса во время обхода выяснилось, что игры запрещены, и надзиратель повел меня в карцер. Но мне повезло: по коридору навстречу нам шел старшина: «В чем дело? — Да вот, в шахматы играл! — Новенький? Так не знал же парены! — И меня обратно в камеру. На этот раз не пришлось карцера изведать. Еще через час меня перевели в другую камеру. Та была первая, эта седьмая. В ней человек 10—12. Рядом со мной старший лейтенант из Военно-воздушной академии рассказывал: «Я летчик-истребитель, полтора года воевал в Испании, всякое видел и не трус, вроде, но вы знаете, как я здесь боюсь, что будут бить». И я вдруг вскричал: «Ах ты, гад! Да разве у нас могут бить?» Меня оттащили, поговорили со мной, как следует, да я и сам уже опомнился и недоумевал — ведь только что видел Паскудского в таком состоянии, и вдруг у меня такая реакция!

Ночью открывается окошко, «кормушка», спрашивают: «Кто здесь на Д?» «Я, — говорю, — Демченко». «Собирайтесь с вещами».

Привели меня на Новослободскую, в Бутырскую тюрьму. Номера камеры я уже не помню, только помню, что на соседней камере была табличка, эмалированная, что здесь сидел Держинский. Я ее хоро-

шо рассмотреть успел, потому что меня в камеру пускать не хотели. Надзиратель возмутился: что за безобразие, арестованного со звездой привезли! А я ходил в шинели (мне отец ее еще в восьмом классе сшил), в галифе и в буденовке. Спорили мне звезду с буденовки и толкнули в камеру. Камера на 20 человек — я был 164-м. Прямо напротив окна поднимается голова.

— Когда с воли?

— Три дня.

— Готовься делать доклад, в камере с воли свежего три месяца не было. А откуда?

— МАИ.

— Профессор! Подвиньтесь, это ваш.

Профессором оказался Поликарпов — создатель И-16. Здесь же сидели двое мальчиков 13 и 15-ти лет — сыновья начальника Ленинградского НКВД Медведя, при котором убили Кирова. Только я немного освоился, как раздался стук в стену: соседняя камера просила курева. Мне рассказали, что там сидит артист Хенкин, который изумительно читал Маяковского. Эта камера была постоянно лишена и прогулки, и лавочки из-за постоянного хохота, который там стоял. Но совсем недолго я оставался в этой камере, утром меня уже перевели в одиночку. Четвертый одиночный корпус, 138 камера, довольно большая, и ватт в 500 лампа, и днем и ночью. Привели, и я обрадовался — на тумбочке лежат пять книг. Обрадовался, да не тут-то было. Часа через три входит старшина: «Камера 138 за подчеркивание ногтем слов в такой-то книге на 20 дней лишена книг». Я говорю: «Но меня только что привели». «Камера 138 за подчеркивание слов ногтем, в такой-то книге на 20 дней лишена книг. Можете жаловаться». Книжки унесли.

Потом началось следствие, которое вел старший следователь 4-го отделения четвертого секретно-политического отдела Корнов. От него я узнал, что меня посадили за участие в молодежной контрреволюционной террористической организации, имеющей целью убийство Сталина, Молотова, Ежова (статья 58, п.п. 8, 10, 11).

Первый допрос был короткий:

— Социальное происхождение?

— Из семьи партийных работников.

— Служащих, нужно говорить! А сам кто?

— Рабочий.

— Не марай рабочий класс! Ты — студент. А что у нас в стране, знаешь?

— Что «по-вашему», не знаю.

— У нас диктатура пролетариата!

— А вот здесь, — говорю я, — в вашем чине и положении не знать последних речей товарища Сталина никак нельзя. Иосиф Виссаронович говорил, что у нас пролетариата нет, у нас рабочий класс.

— Ну, хватит! Знаем мы ваши троцкистские штучки!

Тем не менее в этот вечер меня отпустили. На следующий вечер вызывают опять. И здесь, ну, чистейший анекдот.

Я вошел, сел у двери за столик для заключенных.

— Чего ты туда сел? Иди, садись рядом.

Я подошел, сел. И вдруг он говорит:

— Слушай, у нас завтра политзанятия, позанимайся со мной...

Но на этом, пожалуй, все веселье и кончилось.

Записала
Н. ЖУРАВЛЕВА.

Фото В. МАКАРОВА.

В следующих номерах «Менделеевца» мы продолжим рассказ Н. Н. Демченко.

(Окончание. Начало на 1 стр.)

стоятельной научной работы» (журнал «Театр», 1988, № 6).

С глубоким прискорбием вынужден добавить, что для студентов Духовной академии вопросы, которые Вы задаете, просто не существуют. Они исповедуют скорее американский образ студенческой жизни, а не теперешний наш («прогулять пару», «спихнуть», списать и т. д. — в конечном итоге обмануть себя и вред нанести себе). Для них вопрос о свободном посещении занятий не превращается в «свободное непосещение». Вы в своей статье в «Менделеевце» от 1.06.88 г., правда, с опечатками и, на мой взгляд, излишне сумбурно, рисуете такую же картину. Ваш вывод: «Ведь ни для кого не секрет, что сдать экзамен в МХТИ гораздо легче, чем получить зачет». «А чистые листки зачетки тем временем заполняются, и мы становимся инженерами... для общего развития». А потом Чернобыль? Не могу, однако, согласиться с Вами, что в МХТИ так учат. Не верю, что Вы, пятикурсница, отличница, всерьез полагаете, что человека силой можно хорошо научить, если он учиться этому не хочет. Или хочет учиться только плохому, чего вокруг нас достаточно. Влияние улицы, так сказать.

Здесь уместно спросить, с какой целью поступают студенты в МХТИ? Если получить профессию, так ведь без труда... Если студенты всем сердцем стремятся в Менделеевку, и ее корпуса и общежития на 5 лет становятся им родным домом, то почему, как в мясорубке, «перемалывается» мебель, испорчена картина у МАЗа, продолжают взрывоопасные эксперименты в общежитии, «имеет место» курение там, где это крайне опасно в пожарном отношении (помните БАЗ?) и цензурируются на стенах и в «устной речи»? Что это все — отношение к делу, жизненная позиция или гражданский инфантилизм, недоразвитость?

Теперь собственно о том, «кто решит проблемы». Буду соблюдать Ваш порядок их постановки. Длительную практику Вы «за кадром» уже отвергаете. А зря. Если к «полугодовой» практике подходить не предвзято, то она дает положительный результат как раз в той самой профессиональной

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО студентке Марине Прохоркиной

подготовке, которой так не хватает пока большинству наших выпускников. Я не хочу сказать Вам: «Не сомневайся», сомнение — двигатель прогресса. Для информации сообщу, что проблему эффективности длительной практики решают кафедры, ответственные за работу 32 созданных на сегодня УНПК, и помощник ректора по работе УНПК доцент Е. П. Моргунова. До конца ноября ректорская комиссия в соответствии с планом работы намерена заслушать отчеты о работе всех УНПК.

«Проблема № 1» — Вами придумана (хотелось бы надеяться, не для литературных упражнений). Дело в том, что деление на два потока на время длительной практики позволяет более рационально использовать выделение базовыми предприятиями специально для наших студентов рабочие места, учебно-лабораторную базу и общежитие. УНПК так работать легче, кафедре — труднее. Но в нормальном варианте эти трудности на студентах не отражаются. При реализации этой идеи и речи не идет о сокращении численности групп!

«Проблема № 2» — количество экзаменов. Действительно, есть минусовское еще ограничение числа экзаменов в сессию — не более 5 — и рекомендация экзамен по кафедре доцента Г. Н. Жаворонкова («дополнительные виды обучения») в случае необходимости организовывать вне пределов сессии, что в МХТИ практикуется много лет и всем известно. Напомню Вам, что на специальности ТЭП по действующему учебному плану в 9 и 10 семестрах по 5 экзаменов, включая научный коммунизм, на ТНВ — 4 и 2 экзамена соответственно, на экологии в 9 семестре 6 экзаменов, зато в 10 — вообще нет. Государственные экзамены в соответствии с действующими положениями проводятся в течение последних семестров и в «зачет лимита» не входят.

«Проблема № 3» — о време-

ни на подготовку к Государственному экзамену по марксистско-ленинизму. Вы прекрасно знаете, что расписание экзаменов у нас составляется с учетом мнения студентов и при участии студентов. Так что количество дней на подготовку — это, действительно, «ваши трудности». Курсовой экзамен по научному коммунизму введен приказом Гособразования СССР. А приказы в правовом государстве нужно исполнять. Иногда это несколько труднее, чем публично заявить: «Да, я уехала с картошки» и, обвинив в этом всех «начальников», слегка пожуриль себя за то, что «сбежала поодиночке» (Ваша заметка в «Менделеевце» от 25.11.87 г.). Предъявлять же претензии по поводу решения Гособразования СССР мне, — по меньшей мере, наивно. Прошу учесть также, что учебные планы принимает не ректорат, а ученые советы, четверть состава которых — выборные представители студентов.

Полагаю, что, ответив на философский вопрос утвердительно — «быть!», мы теперь должны вместе ответить «какими нам быть». В связи с этим скажу, что затронутые Вами проблемы мы обсуждали с представителями 5 курса факультета ТНВ вместе с деканом доцентом И. А. Петропавловским. Если Вы не знали о разговоре, это не делает Вам чести как журналисту. Если знали, то Ваша статья — попытка «давить» с помощью печатного слова, что еще хуже. Не следует, пользуясь тем, что мы учимся демократии и гласности, превращать наш любимый «Менделеевец» в «желтую прессу», помещая в нем не до конца продуманные и не до конца достоверные материалы. Давайте уважать друг друга. Иначе «молчание будет вам ответом».

Хотел бы выразить надежду, что без согласования со мной редакция не будет изменять текст этого письма.

С уважением В. ЖИЛИН,
читатель «Менделеевца»
с 1954 года.

СЕРДЖУ ЧЕЛИБИДАКЕ — ЛЕГЕНДА В МИРЕ МУЗЫКИ

Выступление выдающегося дирижера Серджу Челибидаке с Мюнхенским филармоническим оркестром стало поистине событием музыкальной жизни столицы. Серджу Челибидаке — живая легенда в мире музыки. Ему 76 лет, творческая биография музыканта счастливо продолжается. Репертуар дирижера обширен и разнообразен. При этом он не выступает в опере и не записывается на грампластинки, считая запись стерилизацией музыки. По мнению зарубежной критики, его интерпретации отличаются исключительной музыкальностью, изысканностью звучания и стремлением к выражению наивысшей цели — триумфа музыки, но не интерпретатора.

Серджу Челибидаке родился в 1912 году в Румынии, в небольшом городке области Ясы. В детстве обучался игре на фортепиано. После занятий на родине он один год провел в Париже, в Сорбонне, а затем учился в Высшей школе музыки в Берлине, изучая основы композиции, музыковедения, дирижирования. Помимо музыки, изучал математику и философию. Защищал две диссертации — по математике и музыковедению.

Говоря о мастре, как бы перелетаешь страницы музыкальной истории. Его имя связано со знаменитым оркестром Берлинской филармонии, где в 1945 году он после отборочного конкурса занял вакантный пост главного дирижера, заменив великого В. Фуртвенглера, и работал с этим коллективом до возвращения предшественника. Именно тогда началась дирижерская карьера Челибидаке. Это период восхождения двух больших дирижеров — соперников — Челибидаке и Герберта фон Караяна, впоследствии возглавившего оркестр Западберлинской филармонии.

С начала 50-х годов Челибидаке разъезжает по всему миру в качестве гостевого дирижера. Он работает с оркестром Санта-Чечилия в Риме, оркестром миланского театра Ла Скала, симфоническими оркестрами радио Копенгагена, Стокгольма и Мадрида, с лондонскими симфоническими оркестрами, Национальным оркестром Франции, оркестрами Токио, Цюриха и многими другими.

Челибидаке известен своей интенсивной репетиционной ра-

ботой: он проводит от десяти до восемнадцати репетиций к программе, по две ежедневно, при этом состав оркестра на репетициях и концертах не меняется. И ни один музыкант, ни оркестр в целом в период его работы не могут принимать на себя какие-либо другие обязательства. В свободное время он передает свой опыт молодым дирижерам — он руководит курсами дирижеров в Риме, Венеции, Болонье, Бухаресте, в Канаде, занимается с международным молодежным оркестром земли Шлезвиг-Гольштейн, проводит дирижерские курсы летом в Мюнхене. Он профессор университета в Майнце, где читает курс «Феноменология музыки». Маэстро всегда делает акцент на своей педагогической деятельности и считает, что «обучение — одна из высочайших форм человеческой деятельности».

Еще в юношеские годы Серджу проявлял большой интерес к буддизму и дзэн-буддизму. Сейчас он причисляет себя к «новым гностикам», которые дискутируют вопрос о связи языка, мышления и действительности. Челибидаке, как и великие учителя дзэн, на вопрос, что стоит за всеми процессами мышления, отвечает: «Действительность». И еще маэстро мечтает изучить русский, чтобы в подлиннике читать Пушкина и Лермонтова.

С 1979 года Серджу Челибидаке возглавляет Мюнхенский филармонический оркестр, история которого связана с именами Ф. Веингартнера, Г. Малера, Р. Штрауса, М. Рegera. Это гордость Баварии. С этим оркестром Челибидаке на концертах в Москве исполнил произведения Бетховена, Мусоргского, Раделя, Шумана, Брамса. Музыканты играли под руководством маэстро с энтузиазмом, который способен вызвать мало кто из коллег-дирижеров. Что касается публики, то для нее он стал кумиром. После концертов началось настоящее паломничество к дирижеру за кулисы. Однако маэстро не дает автографов: «У вас должно остаться впечатление, а не автограф».

— Маэстро, почему Вы почти не обращаете внимание на овации?

— Я не писал этой музыки. Аплодисменты не мне — композитору. Он творец музыки.

А. ФИРЕР

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ, ВЕЧНО НЕ НАХОДЯЩИЕ ОТВЕТОВ

Студенты ХТС — дирекции совхоза Измайловский:

- В какой стране и в какую эпоху можно было найти человека с неполным высшим образованием, согласного работать за одну кормежку без выходных по 12 часов в день в течение месяца?
- Правда ли, что восьмичасовой рабочий день был одним из пунктов большевистской программы-минимум в 1917 году?
- Правда ли, что доплаты за ночную смену, за сверхурочные работы и выходные дни — злобные выдумки врагов?
- В каком году были установлены расценки, по которым нам платили, и кто их утверждал?
- Кто гуляет в непополненной нами спецодежде?
- За сколько дней сгниет мокрая картошка, собранная нами под дождем?
- Что пили механизаторы перед работой, почему простои оплачивались за наш счет?
- Чем болели и кем были замучены животные, попавшие в наши тарелки, что это были за животные?
- Как понравился дирекции бразильский телефильм «Рабыня Изаура»?

Студенты — учебной части:

- Почему время «шефства» над совхозами целиком вычитается из наших каникул?
- Дирекция совхоза — студентам:
- Знаете ли вы, что если бы мы работали по-людски, то вы бы нам вовсе не попадались?
- Ветераны — второкурсникам:
- А вы вели график выхода на работу, отмечали простои, проверяли наряды?
- А знаете ли вы, что в 1985 году силикатчики не только заработали по 80 рублей на человека, но и заняли 1 место по институту только за счет ведения собственного учета, не позволившего дирекции хмулеть? Воруют то, что плохо лежит, обманывают там, где хлопают ушами.
- Кто о вас позаботится, если вы не заботитесь о себе сами?

Эпилог

Думайте, первокурсники!

А. ОРЛОВ.

По материалам стенгазеты «Силикатчик».

(Окончание. Начало на стр. 2)

Трудно сказать, что послужило поводом для этого необоснованного поступка. Человечек, сделавший это, известен. Он не отрицает содеянного, более того, уверен в своей правоте. Речь идет о дежурном коменданте 2-го корпуса Гаджибекове Темирбеке.

ДЕМОКРАТИЯ ПО-ОБЩЕЖИТСКИ

Разъясним цель газеты, хотя она ясно изложена в ее заголовке. Никто не собирается никого обругивать, в том числе и вахту (как, возможно, была расценена реплика на газете). В ближайшее время состоится профсоюзная конференция факультета, на которой речь пойдет главным образом об общежитии. С помощью газеты мы хотим вынести на конференцию конкретные проблемы, волнующие студентов, и вместе найти пути их разрешения. Газета восстановлена и вывешена вновь.

Итак, начало положено. Пять минут гласности после долгого времени молчания и закулисных разговоров — неплохой результат для начала.

Д. СУТЫРИН, К-23,
А. ВОРОВЧЕНКО, К-21.

От группы информации студкома, передавшей эту статью в «Менделеевце»: мы просим партийный комитет факультета прокомментировать действия коммуниста Т. Гаджибекова.

И. о. редактора В. Н. КУДРЯВЦЕВ.